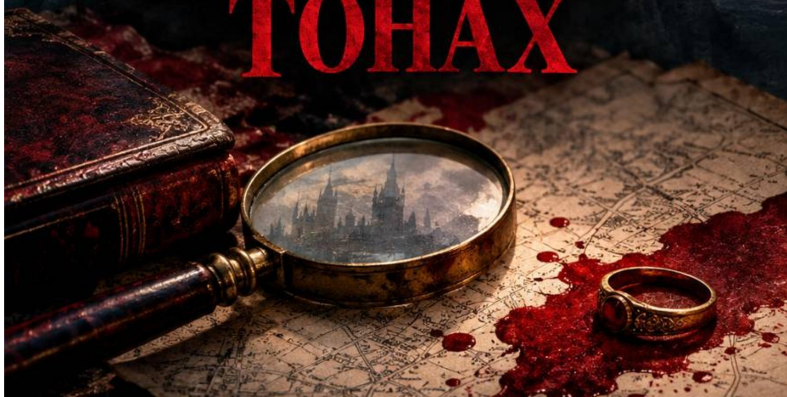

GHOST REED

ЭТЮД
В
БАГРОВЫХ
ТОНАХ

GHOST REED

Этюд в багровых тонах

<https://litres.ru/74618664>

SelfPub; 2026

Аннотация

Об оригинале и адаптации: произведение создано по мотивам романа Артура Конан Дойла «Этюд в багровых тонах» (A Study in Scarlet, 1887).

Автор расширенной литературной адаптации — GHOST REED.

Текст и оформление обложки подготовлены с использованием ИИ.

Адаптация сохраняет основные события, персонажей и разгадку оригинала, дополняя повествование новыми сценами, диалогами и атмосферными описаниями.

«Этюд в багровых тонах» — расширенная литературная адаптация первого романа о Шерлоке Холмсе.

Лондон, конец XIX века. Вернувшийся из Афганистана военный врач Джон Ватсон знакомится с Шерлоком Холмсом. Его наблюдательность вскоре помогает расследовать загадочное убийство.

В пустом доме обнаружено тело американца. На стене кровью выведено таинственное слово, а среди улики — золотое кольцо.

Полиция ищет преступника, но Холмс понимает: разгадка скрыта в событиях далёкого прошлого.

Следы ведут из Лондона в Америку, где любовь, предательство и жажда мести навсегда изменили несколько судеб.

Содержание

Глава 1. Возвращение в Лондон	5
Глава 2. Необычный знакомый	19
Глава 3. Бейкер-стрит, 221Б	41
Глава 4. Искусство наблюдения	64
Глава 5. Загадка Лористонского сада	89
Конец ознакомительного фрагмента.	109

GHOST REED

Этюд в багровых тонах

Глава 1. Возвращение в Лондон

Есть воспоминания, которые с годами тускнеют. Лица забываются, голоса становятся неразличимыми, а события, некогда казавшиеся чрезвычайно важными, постепенно превращаются в бледные тени прошлого. Но существуют и другие воспоминания. Они остаются с человеком навсегда, словно время не властно над ними.

Для меня такими воспоминаниями стали события, предшествовавшие моему знакомству с Шерлоком Холмсом.

Впрочем, тогда я ещё не знал этого имени и не предполагал, что оно станет известно далеко за пределами Лондона, а мне доведётся наблюдать за необыкновенными способностями человека, изменившего моё представление о расследовании преступлений.

В ту пору меня занимали гораздо более простые вопросы: где найти крышу над головой, как восстановить здоровье и каким образом устроить собственное будущее.

Чтобы объяснить обстоятельства нашего знакомства, мне придётся начать издалека.

В 1878 году я получил степень доктора медицины Лон-

донского университета. Подобно многим молодым людям, только что завершившим образование, я смотрел в будущее с уверенностью, которую теперь считаю одним из величайших преимуществ молодости.

Мне представлялось, что впереди лежит вполне определённый путь. Я намеревался посвятить себя медицине, приобрести практический опыт и со временем занять достойное положение среди представителей своей профессии.

Военная служба казалась подходящим началом.

Пройдя необходимую подготовку в Нетли, я был назначен помощником военного врача в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк, находившийся тогда в Индии.

Известие о назначении я встретил с воодушевлением.

В молодости дальние страны обладают особым очарованием. Их названия вызывают в воображении картины, почерпнутые из книг и рассказов путешественников. Мы думаем о незнакомых городах, необычных обычаях, величественных пейзажах и приключениях, о которых впоследствии можно будет рассказывать друзьям за обеденным столом.

О том, что действительность редко соответствует подобным представлениям, я узнал значительно позже.

Ещё до моего прибытия в полк началась война в Афганистане.

Когда я высадился в Бомбее, оказалось, что мои будущие товарищи уже пересекли границу и продвинулись дале-

ко вглубь неприятельской территории.

Мне пришлось отправиться вслед за ними.

Вместе с несколькими офицерами, оказавшимися в таком же положении, я совершил путешествие до Кандагара, где наконец присоединился к своему подразделению.

Я хорошо помню первое утро после прибытия.

Солнце ещё не поднялось высоко, но воздух уже был наполнен сухим жаром. Над землёй висела мелкая пыль, оседавшая на одежде, оружии и лицах солдат. Лошади беспокойно переступали ногами, где-то раздавались команды, а неподалёку от медицинского пункта двое санитаров несли носилки.

Один из них остановился, чтобы поправить ремень.

Я заметил, что ткань, прикрывавшая лежавшего на носилках человека, была пропитана кровью.

Именно тогда я впервые почувствовал, что служба окажется совсем не такой, какой я представлял её себе в Англии.

Впрочем, размышлять об этом было некогда.

Работа началась почти сразу.

На войне врач узнаёт о человеческой природе то, чего трудно постичь в мирной жизни.

Я видел людей, способных сохранять удивительное спокойствие перед лицом смерти, и других, терявших самообладание при виде незначительной раны. Мне приходилось наблюдать проявления самоотверженности, которых невоз-

можно потребовать приказом, и поступки, о которых их совершители впоследствии предпочитали не вспоминать.

Но чаще всего я видел страдание.

Оно не имело ничего общего с торжественными описаниями военных подвигов в исторических сочинениях.

Страдание было обыкновенным, человеческим и лишённым всякой торжественности.

Оно проявлялось в пересохших губах раненого, тщетно просившего воды, в беспокойных движениях человека, охваченного лихорадкой, в тихом стоне солдата, который ещё вчера смеялся вместе с товарищами.

Я быстро научился различать случаи, когда помощь требовалась немедленно, и те, в которых поспешность могла лишь навредить.

Научился работать при недостатке необходимых средств.

Научился скрывать усталость, когда от моего спокойствия зависело состояние больного.

Однако существовало одно обстоятельство, к которому привыкнуть оказалось невозможно.

Это была необходимость выбирать, кому помочь первым.

В один из особенно тяжёлых дней к нам доставили сразу нескольких раненых.

Среди них находился молодой солдат, едва ли достигший двадцати лет. Его лицо было почти детским, а светлые волосы слиплись от пота и пыли.

Он крепко держал меня за рукав.

— Доктор, — произнёс он, — скажите, я поправлюсь?
Я помню, как посмотрел на его рану.

Ответ нашёлся не сразу.

— Мы сделаем всё возможное, — сказал я наконец.

Он кивнул, словно слышал именно то, что хотел.

Но его пальцы ещё долго не отпускали мою руку.

Не стану подробно описывать, что произошло дальше. Тот день остался одним из самых тяжёлых в моей памяти.

Со временем я понял: врач не всегда может спасти человека. Но он обязан сделать всё, чтобы больной не почувствовал себя покинутым.

Это убеждение я сохранил и после возвращения в Англию.

Вскоре обстоятельства заставили меня перейти в Беркширский полк.

Именно с ним я оказался участником сражения при Майванде.

О событиях того дня написано достаточно много, и я не намерен повторять рассказы военных историков. Моя собственная роль была слишком незначительной, чтобы представлять интерес с точки зрения военной стратегии.

Для меня Майванд навсегда остался не названием на карте, а чередой отдельных воспоминаний.

Грохот артиллерии, пыль, застилавшая горизонт, неразборчивые крики, запах порохового дыма и нестерпимая

жажда — всё это я помню до сих пор.

Я находился при исполнении своих обязанностей, когда неподалёку разорвался снаряд.

Всё произошло настолько быстро, что я не успел даже испугаться.

Сначала я почувствовал сильный удар в плечо, затем земля словно ушла из-под ног. Я упал.

Несколько мгновений окружающий мир представлялся мне странным нагромождением звуков и теней.

Попытка подняться вызвала такую боль, что перед глазами потемнело.

Позднее выяснилось, что осколок раздробил мне ключицу и повредил близлежащие кровеносные сосуды.

Но тогда я знал лишь одно: рука почти не слушалась, а силы стремительно покидали меня.

Помню, как попытался прижать ладонь к ране. Кровь была тёплой, и это почему-то удивило меня сильнее всего.

Я, врач, столько раз наблюдавший подобные повреждения у других людей, внезапно оказался на месте одного из своих пациентов.

Признаюсь, мне не сразу удалось перенести это испытание с тем спокойствием, которого я ожидал от своих пациентов.

Неподалёку продолжался бой.

Я слышал приближавшиеся выстрелы и понимал, что, если останусь на месте, меня ждёт либо плен, либо смерть.

Попытался позвать на помощь.

Не знаю, услышал ли кто-нибудь мой голос.

В следующий момент передо мной возникло знакомое лицо.

Это был мой денщик Мюррей.

— Доктор!

Он опустился рядом со мной.

— Вы можете идти?

Я попытался ответить утвердительно, но едва пошевелился, как боль заставила меня зажмуриться.

Мюррей быстро огляделся.

— Тогда придётся иначе.

— Оставьте меня, — пробормотал я. — Вам самому нужно уходить.

Он не обратил внимания на мои слова.

Помню его сосредоточенное лицо, крепкие руки и то, как осторожно он пытался поднять меня, не задев раненого плеча.

Стрельба не утихала.

Я понимал, что каждое мгновение промедления увеличивает опасность для нас обоих.

— Мюррей, — повторил я, — это приказ.

— Простите, сэр, — ответил он, — но этот приказ я выполнить не могу.

Больше я почти ничего не помню.

Сознание возвращалось лишь на мгновения: однажды я увидел над собой небо, покрытое бледной дымкой, в другой

раз почувствовал, как меня укладывают на жёсткую поверхность. Затем всё погрузилось во тьму.

Своей жизнью я обязан Мюррею.

Сколько бы лет ни прошло, я всегда буду вспоминать о нём с глубокой благодарностью.

Выздоровление оказалось долгим.

Ранение само по себе было достаточно серьёзным, но, к счастью, на этом мои испытания не закончились.

Когда состояние позволило перевезти меня в госпиталь в Пешаваре, я надеялся, что худшее осталось позади.

Некоторое время казалось, что так оно и есть.

Я постепенно восстанавливал силы, мог самостоятельно передвигаться и даже начал задумываться о возвращении к службе.

Но вскоре заболел брюшным тифом.

Лихорадка лишила меня последних сил.

Дни и ночи слились в череду мучительных часов, наполненных жаром, слабостью и смутными видениями.

Иногда мне казалось, что я снова нахожусь на поле боя.

Иногда слышались голоса людей, которых давно не было рядом.

Я просыпался в холодном поту, не сразу понимая, где нахожусь.

Позднее мне рассказали, что некоторое время моё состояние внушало врачам серьёзные опасения.

Сам я помню этот период лишь отрывками.

Из тех дней мне запомнились белый потолок палаты, тихие шаги, звон стеклянной посуды и чьи-то пальцы на моём запястье. Однажды утром я проснулся без привычного жара и впервые почувствовал облегчение.

С этого дня началось медленное возвращение к жизни.

Однако болезнь оставила после себя слабость, с которой я прежде никогда не сталкивался.

Даже непродолжительная прогулка утомляла меня.

Иногда кружилась голова.

Повреждённое плечо напоминало о себе при резких движениях и перемене погоды.

Мне пришлось признать, что в ближайшее время я не смогу вернуться к обязанностям военного врача.

Вскоре медицинская комиссия пришла к такому же заключению.

Меня признали негодным к дальнейшей службе и отправили в Англию поправлять здоровье.

Я покинул Индию на борту военного транспорта «Орон-тес».

В тот день, когда судно вышло в море, я долго стоял у борта, наблюдая, как берег постепенно исчезает за горизонтом.

Я испытывал облегчение.

Вместе с ним пришло странное чувство опустошения.

Ещё недавно моя жизнь подчинялась строгому распорядку. Я знал, где должен находиться утром, какие обязанности

предстоит выполнять днём и кто может нуждаться в моей помощи ночью.

Всё это осталось позади. Впереди была Англия и полная неопределённость.

Когда я наконец прибыл в Лондон, город встретил меня привычным шумом.

По мостовой грохотали колёса экипажей, извозчики перекликались друг с другом, газетчики выкрикивали заголовки последних известий. Люди торопились по своим делам, почти не замечая окружающих.

Всё выглядело именно так, как я помнил.

И всё же мне казалось, что я вернулся в другой город.

Вероятно, изменился не Лондон, а я сам.

Первые дни я провёл в гостинице на Стрэнде.

Получаемого мной пособия хватало на самое необходимое, но я быстро понял, что продолжать подобную жизнь неразумно.

Денег становилось меньше, здоровье восстанавливалось медленно, а постоянного занятия у меня не было.

В Англии не осталось близких родственников, к которым я мог бы обратиться за помощью.

Знакомые, с которыми прежде поддерживал отношения, за время моего отсутствия разъехались или обзавелись собственными заботами.

Я оказался совершенно один.

Поначалу одиночество не слишком тяготило меня.

Я гулял по городу, посещал знакомые места, читал газеты и старался убедить себя, что заслужил небольшой отдых.

Но человек, привыкший к деятельности, редко находит удовлетворение в вынужденном безделье.

Но с каждым днём время тянулось всё медленнее.

Я просыпался без определённой цели, завтракал без аппетита и выходил на улицу, выбирая направление почти наугад. Иногда заходил в книжные лавки или подолгу стоял у витрин, разглядывая вещи, которые не собирался покупать.

По вечерам возвращался в гостиницу и обнаруживал, что за весь день не обменялся ни с кем более чем несколькими словами.

Особенно тяжело переносились дождливые дни.

В такие часы Лондон приобретал унылый, почти бесцветный вид.

Мокрая мостовая отражала тусклый свет фонарей, колёса экипажей разбрызгивали грязную воду, а прохожие прятали лица под полями шляп.

Я сидел возле окна своего номера и наблюдал за этим бесконечным движением.

Иногда мне казалось удивительным, что среди такого множества людей человек может чувствовать себя настолько одиноким.

Однажды вечером я попытался составить список возможных занятий.

Медицинская практика представлялась наиболее естественным выбором.

Но для её открытия требовались средства, которых у меня не было.

Я мог бы поступить помощником к другому врачу, однако здоровье ещё не позволяло мне работать постоянно.

Я отложил лист бумаги.

Несколько минут смотрел на него, затем смял и бросил в камин.

Огонь быстро охватил края.

Бумага почернела и свернулась; вскоре от моих планов осталась лишь горстка пепла.

Я невольно усмехнулся.

Пожалуй, это было весьма точное изображение моего тогдашнего положения.

С наступлением осени я заметил, что раненое плечо всё чаще напоминает о себе.

Врач, к которому я обратился, посоветовал избегать переутомления, регулярно питаться и проводить больше времени на свежем воздухе.

Совет был разумным.

Беда заключалась лишь в том, что его исполнение требовало денег.

В гостинице я платил не только за комнату, но и за питание, обслуживание и множество мелочей, которые по от-

дельности казались незначительными, а вместе составляли весьма ощутимую сумму.

Однажды утром, подсчитав оставшиеся средства, я пришёл к неприятному выводу.

Если я продолжу жить таким образом, то вскоре окажусь в положении, из которого будет трудно выбраться.

Необходимо было немедленно сократить расходы.

Самым очевидным решением представлялась перемена жилья.

Я мог снять небольшую комнату в менее дорогом районе.

Но перспектива проводить дни в тесной комнате, беседуя разве что с хозяйкой дома, не вызвала во мне энтузиазма.

И всё же выбирать не приходилось.

Я решил начать поиски на следующий день.

В тот вечер я долго не ложился спать. За окном стихал городской шум; лишь редкие экипажи нарушали тишину.

Я сидел в кресле возле камина, держа на коленях раскрытую книгу.

За последний час мне не удалось прочесть ни одной страницы.

Мысли вновь и вновь возвращались к одному и тому же вопросу.

Что ждёт меня дальше?

Несколько месяцев назад я находился среди людей, для которых моё присутствие имело определённое значение.

Теперь же я был всего лишь отставным военным врачом с

повреждённым плечом, слабым здоровьем и весьма скромными средствами.

Мне было неприятно признаваться себе в этом.

Ещё неприятнее было понимать, что пока я не могу ничего изменить.

Наконец я закрыл книгу и подошёл к окну. Огонь в камине почти погас; над Лондоном висел туман.

Газовые фонари освещали лишь небольшие участки улицы, за пределами которых всё растворялось в сероватой мгле.

Где-то вдалеке прозвучал полицейский свисток, затем снова наступила тишина.

Я ещё некоторое время смотрел на пустынную улицу.

Тогда я ещё не подозревал, что этот равнодушный на вид город вскоре откроется мне с иной стороны.

За его благопристойными фасадами скрывались тайны, способные поразить самое смелое воображение.

А человек, с которым мне предстояло познакомиться, научит меня замечать необыкновенное в самых обыденных вещах.

Но всё это было впереди.

А пока я думал лишь о том, где найти недорогую квартиру.

На следующее утро я отправился искать жильё и случайно встретил старого знакомого. Именно эта встреча привела меня к Шерлоку Холмсу.

Глава 2. Необычный знакомый

В то утро Лондон встретил меня редким для осени солнечным светом.

Накануне прошёл дождь, и теперь мостовая ещё сохраняла влажный блеск. Между домами тянулись узкие полосы тени, а воздух казался удивительно свежим после нескольких дней сырости и тумана.

Я вышел из гостиницы несколько раньше обычного.

В кармане пальто лежал листок с адресами домов, где, судя по газетным объявлениям, сдавались комнаты.

Ни один из предложенных вариантов не внушал мне особого доверия.

Одни комнаты находились слишком далеко от центра, другие стоили почти столько же, сколько мой нынешний номер. Третьи были настолько скромны, что я невольно задумывался, не разумнее ли остаться в гостинице и окончательно разориться.

Впрочем, выбора у меня не было.

Я решил осмотреть ещё два или три помещения, прежде чем возвращаться к себе.

Первые часы оказались потрачены почти напрасно.

В одном доме меня встретила пожилая хозяйка, которая с подозрением отнеслась к моему военному прошлому и подробно расспрашивала, не имею ли я привычки возвращать-

ся поздно ночью.

В другом доме предлагалась комната под самой крышей. Поднявшись по узкой лестнице, я обнаружил помещение, где едва помещались кровать, стол и небольшой шкаф.

Хозяйка уверяла, что из окна открывается превосходный вид.

Я выглянул наружу.

Вид и впрямь открывался — на кирпичную стену соседнего дома в нескольких ярдах от окна.

Поблагодарив женщину, я поспешил откланяться.

К полудню моё плечо начало неприятно ныть.

Я почувствовал усталость и решил отложить дальнейшие поиски.

В кармане оставалось достаточно денег, чтобы позволить себе скромный обед, и я направился в сторону одного из знакомых заведений.

Именно тогда произошла встреча, изменившая всю мою дальнейшую жизнь.

* * *

Я проходил мимо бара «Критерион», когда кто-то неожиданно окликнул меня.

— Ватсон! Неужели это вы?

Я обернулся.

Передо мной стоял молодой человек, лицо которого показалось мне знакомым.

Несколько мгновений я безуспешно пытался вспомнить,

где мы встречались.

Затем память наконец подсказала ответ.

— Стэмфорд!

Он широко улыбнулся и протянул руку.

— Вот уж не ожидал увидеть вас здесь! Я слышал, вы от-
правились в Индию.

— Так оно и было.

— И давно вернулись?

— Совсем недавно.

Стэмфорд окинул меня внимательным взглядом.

Я заметил, как его улыбка постепенно сменилась выраже-
нием искреннего беспокойства.

— Боже мой, Ватсон, — произнёс он. — Что с вами слу-
чилось? Вы страшно похудели.

Я невольно усмехнулся.

— Полагаю, это одно из немногих преимуществ военной
службы.

— Вы ранены?

— Был ранен, а затем заболел. Но теперь, как видите, сно-
ва могу ходить без посторонней помощи.

— Рад это слышать.

Он говорил совершенно искренне.

Мы познакомились в больнице Святого Варфоломея, где
Стэмфорд работал под началом одного из врачей.

Наше знакомство нельзя было назвать особенно близким.
Мы встречались в коридорах, иногда обменивались несколь-

кими словами и изредка обсуждали медицинские вопросы. Но после месяцев, проведённых среди незнакомых людей, даже такая случайная встреча доставила мне неожиданную радость.

— Вы куда-нибудь торопитесь? — спросил я.

— Не особенно.

— Тогда, возможно, составите мне компанию за обедом?

Стэмфорд согласился.

Через несколько минут мы уже сидели за столиком в небольшом ресторане, расположенном неподалёку.

Я заказал обед и бокал вина.

Мой знакомый некоторое время расспрашивал меня о службе.

Я рассказал ему о назначении в Индию, войне, ранении и последовавшей болезни.

Разумеется, я опустил многие подробности.

О некоторых вещах трудно говорить за обеденным столом.

Стэмфорд слушал внимательно и не перебивал.

Когда я закончил, он покачал головой.

— Вам пришлось пережить немало.

— Достаточно, чтобы некоторое время не желать никаких приключений.

— И чем же вы намерены заняться теперь?

Этот вопрос оказался менее приятным.

Я отложил вилку.

— Именно это я и пытаюсь выяснить.

— У вас есть практика?

— Пока нет. Да и здоровье не позволяет немедленно приступить к серьёзной работе.

— Значит, вы собираетесь остаться в Лондоне?

— Полагаю, да. Хотя город, похоже, намерен избавиться от меня самым простым способом.

Стэмфорд вопросительно посмотрел на меня.

— Разорив окончательно, — пояснил я.

Он рассмеялся.

— А, вот в чём дело!

— Я живу в гостинице на Стрэнде. Место вполне приличное, но расходы мне не по средствам. С утра я искал квартиру, однако пока безуспешно.

Стэмфорд неожиданно оживился.

— Какое удивительное совпадение!

— Что вы имеете в виду?

— Сегодня утром я слышал почти те же самые жалобы от другого человека.

— Неужели?

— Он тоже ищет жильё. Вернее, человека, с которым мог бы разделить расходы на уже найденную квартиру.

Я заинтересовался.

— И кто же этот человек?

Стэмфорд на мгновение замялся.

— Его зовут Шерлок Холмс.

Имя ничего мне не говорило.

— Ваш знакомый?

— Да. Мы иногда встречаемся в больнице Святого Варфоломея.

— Он врач?

— Нет.

— Студент-медик?

— Не совсем.

Я поднял брови.

— Вы отвечаете весьма загадочно.

Стэмфорд улыбнулся, но на этот раз несколько неуверенно.

— Видите ли, Ватсон, я и сам не вполне понимаю, чем он занимается.

— Это звучит любопытно.

— Он прекрасно разбирается в некоторых разделах химии и обладает обширными познаниями в анатомии. Однако, насколько мне известно, систематического медицинского образования он не получает.

— Возможно, готовится к научной деятельности?

— Возможно. Но и в этом я не уверен.

Я внимательно посмотрел на собеседника.

— Вы говорите о нём так, словно он представляет собой какую-то загадку.

— В некотором смысле так оно и есть.

Стэмфорд сделал глоток вина.

— Холмс — человек весьма необычный.

— В каком отношении?

— Трудно объяснить. Он может часами заниматься химическим опытом, совершенно забывая обо всём остальном. Иногда его интересуют вещи, на которые другой человек не обратил бы внимания.

— Например?

— Следы грязи на обуви. Пепел разных сортов табака. Особенности человеческой походки.

Я невольно улыбнулся.

— Довольно странный набор интересов.

— Вот именно.

— Но какое отношение всё это имеет к поискам квартиры?

— Самое непосредственное. Холмс нашёл подходящие комнаты на Бейкер-стрит, но считает плату слишком высокой для одного человека. Он хотел бы разделить её с кем-нибудь.

Я задумался.

Предложение выглядело заманчивым.

— И вы полагаете, что он согласился бы поселиться со мной?

— Думаю, да. Если вы сумеете договориться.

— Что ж, я готов встретиться с ним.

Стэмфорд посмотрел на меня с выражением, которое я тогда не сумел истолковать.

— Только не говорите потом, что я вас не предупреждал.
Я рассмеялся.

— Вы начинаете меня пугать.

— Вовсе нет. Холмс не опасен. По крайней мере, насколько мне известно.

— Прекрасное начало рекомендации!

— Я лишь хочу сказать, что у него своеобразные привычки.

— У всех нас они имеются.

— Несомненно. Но некоторые привычки Холмса способны удивить даже человека, привыкшего к больничным порядкам.

Я почувствовал, что любопытство окончательно взяло верх над осторожностью.

— Теперь я непременно должен с ним познакомиться.

* * *

После обеда мы вышли на улицу.

Стэмфорд предложил отправиться прямо в больницу Святого Варфоломея: по его словам, Холмс, вероятнее всего, находился в лаборатории.

Мы наняли экипаж.

Пока лошадь неторопливо двигалась по оживлённым улицам, я продолжал расспрашивать своего спутника.

— Скажите, Стэмфорд, а вы сами хорошо знаете Холмса?

— Не настолько, чтобы судить о нём с уверенностью.

— Но вы ведь общаетесь?

— Время от времени. Чаще всего в лаборатории.

— Он действительно проводит там столько времени?

— Иногда с раннего утра до позднего вечера.

— И над чем работает?

— Над самыми разными вещами.

Стэмфорд помолчал.

— Однажды я застал его за исследованием вещества, которое он считал ядом. В другой раз он изучал следы крови на различных поверхностях.

— Это вполне обычные медицинские исследования.

— Возможно. Но Холмс интересуется ими с необычайной настойчивостью.

Я некоторое время смотрел в окно.

Затем задал вопрос, который всё больше меня занимал:

— А каков он в повседневном общении?

Стэмфорд задумался.

— Сдержан. Иногда даже холоден. Но я бы не назвал его недружелюбным.

— Это уже обнадёживает.

— Он редко говорит о себе. Зато может неожиданно сообщить человеку что-нибудь такое, чего, казалось бы, знать никак не мог.

— Например?

— Не берусь приводить примеры. Вы сами поймёте, когда познакомитесь.

Мне показалось, что Стэмфорд намеренно избегает более

подробных объяснений.

Но настаивать я не стал.

В конце концов, мне требовался сосед по квартире, а не герой приключенческого романа.

И всё же по мере приближения к больнице я чувствовал возрастающее любопытство.

* * *

Больница Святого Варфоломея встретила нас знакомыми запахами лекарств и чистящих средств.

Стоило переступить порог, как передо мной словно ожила прежняя жизнь.

Я узнал длинные коридоры, высокие окна и тяжёлые двери, за которыми когда-то проводил часы за занятиями и практической работой.

Несколько мгновений я стоял неподвижно.

Стэмфорд заметил мою задумчивость.

— Давно здесь не были?

— Кажется, целую вечность.

— Многое осталось прежним.

— Да, — ответил я. — Удивительно, насколько мало изменились некоторые места.

Мы прошли по коридору и спустились к лабораториям.

Из-за одной из дверей доносился негромкий звон стеклянной посуды.

Стэмфорд остановился.

— Полагаю, он здесь.

Он постучал, но ответа не последовало.

Тогда мой спутник осторожно приоткрыл дверь.

Я заглянул внутрь.

Помещение было просторным и хорошо освещённым.

Вдоль стен располагались рабочие столы, заставленные склянками, колбами, пробирками и различными приборами.

Воздух был наполнен характерным запахом химических веществ.

У дальнего стола стоял высокий худощавый молодой человек.

Он был настолько поглощён своим занятием, что не заметил нашего появления.

Перед ним стояла небольшая пробирка.

Молодой человек осторожно добавил в неё несколько капель прозрачной жидкости.

Затем поднял сосуд к свету.

Несколько секунд он наблюдал за содержимым пробирки.

И вдруг воскликнул:

— Нашёл!

Его голос прозвучал с такой неожиданной радостью, что я невольно вздрогнул.

— Нашёл! Наконец-то!

Он резко повернулся.

В одной руке он держал пробирку, другую торжествующе поднял.

— Стэмфорд! — воскликнул незнакомец. — Вы пришли

как раз вовремя!

Только теперь он заметил меня.

На его лице появилось выражение живого интереса.

Стэмфорд сделал шаг вперёд.

— Холмс, позвольте представить вам доктора Джона Ватсона.

Молодой человек поставил пробирку на стол и приблизился.

— Очень рад знакомству, доктор.

Он протянул мне руку.

Его рукопожатие оказалось неожиданно крепким.

— Шерлок Холмс, — представился он.

Я уже собирался ответить обычной вежливой фразой, когда он добавил:

— Вижу, вы недавно вернулись из Афганистана.

Я застыл.

Несколько мгновений мне казалось, что я ослышался.

— Простите?

— Из Афганистана, — спокойно повторил он.

Я посмотрел на Стэмфорда.

Тот выглядел не менее удивлённым, чем я.

— Откуда вам это известно? — спросил я.

Холмс слегка улыбнулся.

— Ах, это долгая история. Гораздо интереснее то, чем я сейчас занимаюсь.

И, словно только что не произнёс ничего необычного, он

вернулся к лабораторному столу.

Я остался стоять посреди комнаты, не зная, что и подумать.

* * *

— Посмотрите сюда, доктор, — сказал Холмс.

Он указал на пробирку.

— Вы разбираетесь в химии?

— В пределах, необходимых врачу.

— Превосходно. Тогда вы сможете оценить значение моего открытия.

Он взял небольшую стеклянную пластинку и показал её мне.

— Я разработал реакцию, позволяющую обнаруживать присутствие крови с исключительной точностью.

Я приблизился.

— Разве существующие методы недостаточно надёжны?

— В том-то и дело, что недостаточно!

Холмс оживился.

Всё его лицо изменилось.

Сдержанность, которую я заметил при знакомстве, исчезла. Теперь передо мной стоял человек, целиком захваченный своей работой.

— Представьте себе, доктор, — продолжал он, — что на одежде подозреваемого обнаружено пятно. Оно может оказаться кровью, а может иметь совершенно иное происхождение. От ответа на этот вопрос порой зависит судьба человека.

— Разумеется.

— Однако некоторые способы исследования требуют особых условий или дают неоднозначные результаты. Моя реакция должна устранить эту неопределённость.

Он взял чистую иглу.

Прежде чем я успел спросить, что он собирается делать, Холмс слегка уколол собственный палец.

На коже выступила крошечная капля крови.

Он перенёс её в сосуд с водой.

— Видите? — спросил он. — Количество крови ничтожно.

Я кивнул.

Холмс добавил несколько капель приготовленного реактива.

Вода начала изменять цвет.

Затем появился характерный осадок.

Холмс удовлетворённо улыбнулся.

— Вот!

Он повернулся ко мне.

— Что скажете?

Я внимательно рассмотрел результат.

— Если реакция действительно столь чувствительна и избирательна, как вы утверждаете, она может оказаться чрезвычайно полезной.

— Полезной? — повторил Холмс. — Доктор, она способна совершить переворот в расследовании преступлений!

Он говорил с такой убеждённостью, что я невольно проникся его энтузиазмом.

— Представьте себе человека, обвинённого в убийстве, — продолжал Холмс. — На его одежде обнаружено старое пятно. Если мы можем достоверно установить, что это кровь, перед следствием открывается совершенно новое направление.

— При условии, что реакция не даёт ложных результатов. Холмс одобрительно посмотрел на меня.

— Именно! Вы рассуждаете как настоящий учёный. Поэтому я и намерен провести множество дополнительных опытов.

Он указал на ряд склянок.

— Некоторые из них уже готовы.

Я заметил, что на нескольких сосудах были прикреплены аккуратно написанные этикетки.

Другие оставались без обозначений.

Рабочий стол выглядел беспорядочным, но сам Холмс, по видимому, прекрасно ориентировался среди всех этих предметов.

— Должен признаться, — сказал я, — ваше открытие производит впечатление.

— Благодарю.

Он произнёс это рассеянно, словно комплимент уже перестал его интересовать.

Затем неожиданно спросил:

— Итак, Стэмфорд сообщил вам о квартире?

Я удивился быстроте, с которой он переменял тему.

— Да. Насколько я понимаю, вы ищете соседа.

— Совершенно верно.

— И нашли подходящее помещение?

— На Бейкер-стрит. Две спальни и общая гостиная. Комнаты просторные, светлые и вполне удобные.

— А плата?

Холмс назвал сумму.

Я мысленно разделил её пополам.

Результат оказался значительно привлекательнее стоимости моего гостиничного номера.

— Звучит весьма заманчиво, — признался я.

— Тогда остаётся выяснить, сможем ли мы ужиться.

Он произнёс это совершенно серьёзно.

Я улыбнулся.

— Полагаю, именно для этого мы и встретились.

— Прекрасно. Начну с предупреждения: я иногда занимаюсь химическими опытами дома.

— Надеюсь, не слишком опасными?

— Обычно нет.

Слово «обычно» меня не успокоило.

— Кроме того, — продолжал Холмс, — я могу проводить несколько дней почти в полном молчании.

— Это меня не смущает.

— Иногда играю на скрипке.

— Хорошо?

Холмс на мгновение задумался.

— По-разному.

Стэмфорд отвернулся, скрывая улыбку.

Я решил, что не стану расспрашивать подробнее.

— А ваши привычки, доктор? — спросил Холмс.

— Боюсь, они довольно скучны. После ранения я плохо переношу сильный шум и нуждаюсь в отдыхе. Иногда поздно встаю. Курю умеренно и не имею привычки устраивать шумные собрания.

— Замечательно.

— Хотя должен предупредить, что порой бываю раздражителен.

— Кто из нас без недостатков?

Холмс сказал это с таким невозмутимым видом, что я рассмеялся.

— В таком случае, мистер Холмс, думаю, мы сможем договориться.

— И я так полагаю.

Он протянул руку.

Мы обменялись рукопожатием.

— Завтра в полдень? — предложил он. — Можем осмотреть комнаты.

— С удовольствием.

— Тогда договорились.

По-видимому, на этом вопрос был для него решён.

Холмс снова повернулся к своим пробиркам.

Стэмфорд тихо кашлянул.

— Пожалуй, нам пора, Ватсон.

Я кивнул.

Но прежде чем выйти, не удержался от последнего вопроса.

— Мистер Холмс?

Он обернулся.

— Да?

— Вы так и не объяснили, откуда узнали, что я служил в Афганистане.

На его лице появилось выражение лёгкого удивления.

Казалось, он совершенно забыл о своём замечании.

— Ах, это.

— Да, именно это.

Холмс улыбнулся.

— Всеу своё время, доктор.

И вновь занялся опытом.

* * *

Когда мы вышли из больницы, я некоторое время молчал.

Стэмфорд первым нарушил тишину.

— Ну что скажете?

Я задумался.

— Необычный человек.

— Я предупреждал.

— Но весьма интересный.

— Этого у него не отнять.

Мы спустились по ступеням и направились к улице.

— Скажите, Стэмфорд, — спросил я, — вы действительно ничего не говорили ему обо мне?

Мой спутник посмотрел на меня.

— Разумеется, нет.

— Даже о том, что я вернулся из Индии?

— Нет. Да я и сам не знал, что вы уже в Англии.

Я остановился.

— Тогда каким образом он узнал об Афганистане?

Стэмфорд пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Но ведь он не мог просто угадать.

— Возможно, он заметил что-нибудь.

— Что именно?

— Спросите у него самого.

— Я уже спрашивал.

Стэмфорд рассмеялся.

— Тогда вам придётся набраться терпения.

Я снова пошёл рядом с ним.

В голове возникали самые разные объяснения.

Возможно, Холмс обратил внимание на мою внешность.

Болезнь и долгое пребывание под жарким солнцем действительно оставили следы.

Но ведь множество людей возвращалось в Англию из самых разных уголков империи.

Почему он назвал именно Афганистан?

Может быть, он слышал обо мне от кого-нибудь из врачей?

Однако это представлялось маловероятным.

Стэмфорд уверял, что не рассказывал ему о моей службе.

В конце концов я решил, что не стоит так долго ломать голову над загадкой.

Но уже через несколько минут поймал себя на том, что снова пытаюсь найти ответ.

* * *

Мы расстались возле оживлённого перекрёстка.

Стэмфорд отправился по своим делам, а я медленно направился обратно к гостинице.

К тому времени солнце уже начало склоняться к горизонту.

На улицах становилось прохладнее.

Я поднял воротник пальто и ускорил шаг.

Плечо всё ещё ныло после утренней прогулки, однако настроение моё заметно улучшилось.

Впервые за долгое время у меня появилась определённая перспектива.

Если квартира действительно окажется подходящей, я смогу значительно сократить расходы.

Кроме того, мысль о совместном проживании с другим человеком уже не казалась мне неприятной.

После долгих одиноких вечеров возможность иметь себе-

седника представлялась мне привлекательной.

Хотя должен признаться, что будущий сосед вызывал у меня некоторые опасения.

Химические опыты.

Скрипка.

Продолжительные периоды молчания.

Необычные интересы.

И эта загадочная способность делать выводы о совершенно незнакомых людях.

Я невольно улыбнулся.

Возможно, жизнь на Бейкер-стрит окажется не такой спокойной, как мне хотелось бы.

Но было ли спокойствие единственным, чего я искал?

После пережитого в Афганистане я мечтал прежде всего о безопасности, здоровье и возможности снова почувствовать себя частью обычной жизни.

И всё же где-то глубоко внутри сохранялась потребность в деятельности.

Мне хотелось просыпаться утром, зная, что впереди меня ждёт нечто большее, чем очередная бесцельная прогулка.

Встреча с Холмсом пробудила во мне любопытство, которого я давно не испытывал.

Я не знал, чем занимается этот человек.

Я не понимал, чем он занимается и как узнал о моём прошлом. Но завтрашняя встреча обещала быть интересной.

Вернувшись в гостиницу, я поднялся к себе в номер.

На столе лежал лист с адресами квартир.

Я взял его, некоторое время рассматривал, затем сложил и убрал в ящик.

Возможно, он мне больше не понадобится.

Я сел возле окна. За стеклом сгущались сумерки. Внизу проехал экипаж, а на противоположной стороне улицы зажглись первые огни.

Я вспомнил высокого худощавого человека среди пробирок и реактивов, его внимательный взгляд и торжество при виде удачного опыта. Но особенно меня занимала одна небрежно произнесённая фраза:

«Вижу, вы недавно вернулись из Афганистана».

Я покачал головой.

— Каким же образом? — пробормотал я, но ответить мне было некому.

Глава 3. Бейкер-стрит, 221Б

На следующее утро я проснулся раньше обычного.

За окном едва начинало светать. Улица ещё не наполнилась привычным шумом, и лишь изредка по влажной мостовой проезжали экипажи. Где-то внизу хлопнула дверь, слышались шаги, а затем всё снова стихло.

Некоторое время я лежал неподвижно, прислушиваясь к себе.

Плечо почти не болело, хотя после вчерашней прогулки я ожидал худшего. Слабость, оставшаяся после болезни, тоже казалась менее заметной.

Вероятно, дело было в моём настроении.

Впервые за несколько недель предстоящий день обещал нечто определённое.

Я собирался осмотреть квартиру на Бейкер-стрит.

Ещё больше мне хотелось продолжить знакомство с человеком, который вчера сумел поставить меня в тупик одной-единственной фразой.

Шерлок Холмс.

Я мысленно повторил это имя.

Встреча в лаборатории произвела на меня странное впечатление.

С одной стороны, Холмс показался мне вполне приятным молодым человеком. Он говорил уверенно, держался сво-

бодно и, несмотря на некоторую рассеянность, не проявил ни малейшей недоброжелательности.

С другой стороны, в его поведении было нечто такое, что не позволяло отнести его к числу обыкновенных знакомых.

Особенно меня занимало его замечание об Афганистане.

Я вновь попытался найти разумное объяснение.

Возможно, он заметил мою худобу, загорелую кожу и повреждённую руку. Всё это могло указывать на недавнюю службу в жарком климате.

Но почему именно Афганистан?

Ведь я мог вернуться из Индии, Египта или любого другого места, где находились британские войска.

Чем дольше я размышлял, тем меньше удовлетворяли меня собственные догадки.

Наконец я решил оставить этот вопрос до следующей встречи.

Поднявшись с постели, я оделся и спустился к завтраку.

К полудню я прибыл на Бейкер-стрит.

Это была оживлённая, но вполне респектабельная улица, застроенная преимущественно кирпичными домами с аккуратными фасадами и высокими окнами.

По мостовой двигались экипажи, прохожие торопились по своим делам. У одного из домов мальчишка с газетами громко выкрикивал последние новости.

Я остановился перед зданием с номером 221.

Дом производил приятное впечатление.

Его фасад не отличался особенной роскошью, но выглядел ухоженным. Ступени перед входом были чисто выметены, а дверная ручка блестела, словно её недавно отполировали.

Я сверился с адресом, записанным на листке бумаги.

Ошибки быть не могло.

Поднявшись по ступеням, я позвонил.

Через несколько мгновений дверь открыла женщина средних лет с приветливым, но несколько испытующим выражением лица.

— Добрый день, сэр.

— Добрый день. Меня зовут доктор Ватсон. Я должен встретиться здесь с мистером Шерлоком Холмсом.

— Ах да, доктор! Мистер Холмс предупреждал о вашем приходе.

Она отступила, приглашая меня войти.

— Прошу вас. Меня зовут миссис Хадсон.

Я снял шляпу.

— Очень приятно познакомиться.

— Мистер Холмс уже наверху. Он просил проводить вас сразу к нему.

Внутри дом оказался столь же опрятным, как и снаружи.

Небольшая прихожая была хорошо освещена. На стене висело зеркало в тёмной раме, под ним стоял узкий столик. Возле лестницы находилась вешалка для пальто и шляп.

В воздухе ощущался слабый запах полированного дерева и свежего чая.

Миссис Хадсон направилась к лестнице.

— Прошу за мной, доктор.

Я последовал за ней.

Лестница была не слишком широкой, но удобной. Поднимаясь, я невольно подумал, что после долгой болезни даже такие мелочи приобретают неожиданное значение.

На первом этаже миссис Хадсон остановилась перед дверью.

— Мистер Холмс, доктор Ватсон прибыл.

— Превосходно! — донёсся из комнаты знакомый голос.

— Пусть входит!

Хозяйка открыла дверь.

Я переступил порог.

Шерлок Холмс стоял возле окна, держа в руках сложенную газету.

При моём появлении он сразу отложил её.

— Доктор Ватсон! Рад вас видеть.

— Добрый день, мистер Холмс.

— Вы пришли точно вовремя. Я как раз собирался показать вам наши будущие владения.

Он произнёс последнее слово с лёгкой улыбкой.

Я огляделся.

Комната оказалась просторнее, чем я ожидал.

Два больших окна выходили на улицу и пропускали достаточно света даже в пасмурную погоду. У одной стены находился камин с широкой полкой, над которым висело зеркало.

Неподалёку стояли два удобных кресла, разделённые небольшим столиком.

В центре располагался обеденный стол.

У противоположной стены помещался письменный стол, а рядом с ним — пока ещё почти пустой книжный шкаф.

Обстановка была простой, но добротной.

Я сразу представил, как приятно будет проводить здесь вечера с книгой возле камина.

— Что скажете? — спросил Холмс.

— Комната превосходная.

— Я тоже так считаю. Особенно мне нравятся окна.

Он подошёл к одному из них.

— Отсюда прекрасно видно улицу.

Я встал рядом.

Внизу двигались экипажи и прохожие.

— Для чего вам столь хороший обзор? — спросил я.

— Иногда полезно наблюдать за людьми.

Я улыбнулся.

— Вы, должно быть, чрезвычайно любопытны.

— Не более, чем того требует моя работа.

Он произнёс это так естественно, что я не сразу обратил внимание на последнее слово.

Работа.

Значит, у моего будущего соседа всё-таки имелось определённое занятие.

Но прежде чем я успел расспросить его, Холмс уже направился к другой двери.

— Пойдёмте, покажу спальни.

Моя будущая комната находилась рядом с гостиной.

Она была достаточно просторной: здесь свободно помещались кровать, шкаф, письменный стол и несколько стульев.

Окно выходило во внутренний двор.

В отличие от гостиной здесь царила тишина.

Я подошёл к окну и выглянул наружу.

Внизу виднелся небольшой двор, ограниченный стенами соседних зданий.

Ничего особенно примечательного.

Но после шумной гостиницы тишина казалась мне настоящим преимуществом.

— Думаю, эта комната вам подойдёт, — сказал Холмс.

— Более чем.

— Моя спальня находится рядом.

Он открыл другую дверь.

Я заглянул внутрь.

Комната была несколько меньше моей, но тоже вполне удобной.

На столе уже лежали какие-то бумаги, а возле кровати стоял небольшой дорожный чемодан.

— Вы уже начали переезжать? — спросил я.

— Понемногу.

— Значит, вы были уверены, что найдёте соседа?

— Я считал это весьма вероятным.

— Любопытно, на чём основывалась такая уверенность.

Холмс посмотрел на меня.

— На том, что в Лондоне немало людей, желающих сократить расходы на жильё.

Я рассмеялся.

— В данном случае вы оказались совершенно правы.

Мы вернулись в гостиную.

Миссис Хадсон уже поставила на стол чайный поднос.

— Если господа пожелают, я могу принести что-нибудь к чаю, — предложила она.

— Благодарю, миссис Хадсон, — ответил Холмс. — Пока этого достаточно.

Хозяйка вышла.

Мы расположились в креслах.

Холмс налил чай.

— Итак, доктор, — произнёс он, — остаётся обсудить практическую сторону нашего соглашения.

Разговор оказался гораздо проще, чем я предполагал.

Мы быстро договорились о разделении расходов.

Плата за комнаты казалась вполне разумной, особенно с учётом их расположения и размеров.

Миссис Хадсон бралась обеспечивать нас питанием и следить за порядком.

Холмс предложил разделить общие расходы поровну.

Я согласился.

Затем мы обсудили привычки друг друга.

— Вы упоминали, что нуждаетесь в покое, — сказал Холмс.

— Да. После болезни я быстро утомляюсь.

— Понимаю. Постараюсь не беспокоить вас без необходимости.

— Благодарю.

— Однако должен предупредить, что иногда работаю допоздна.

— Это не должно стать проблемой.

— И могу принимать посетителей.

— Часто?

Холмс задумался.

— Временами.

— Надеюсь, они не слишком шумные?

— Обычно нет.

Я заметил, что он вновь воспользовался словом «обычно».

Вчера оно уже вызвало у меня некоторые сомнения.

— Мистер Холмс, — сказал я, — вы, кажется, намеренно

избегаете точных ответов.

Он улыбнулся.

— Неужели?

— Именно так.

— Возможно, это дурная привычка.

— Тогда нам придётся научиться с ней мириться.

Холмс рассмеялся.

Его смех был неожиданно искренним.

— Думаю, мы прекрасно поладим, доктор.

Я тоже улыбнулся.

В тот момент мне впервые показалось, что наше знакомство может перерасти в дружбу.

Переезд состоялся уже на следующий день.

Поскольку моё имущество было весьма скромным, вся процедура заняла немного времени.

Большую часть вещей составляли одежда, книги, медицинские инструменты и несколько предметов, привезённых из путешествий.

Я не испытывал особенной привязанности к большинству из них.

Однако среди них был небольшой кожаный футляр с хирургическими инструментами.

Когда я достал его из чемодана, то невольно задержал в руках.

Кожа потемнела от времени, металлические застёжки

слегка потускнели.

Этот футляр сопровождал меня во время службы.

Я открыл его.

Инструменты лежали на своих местах.

Некоторые уже давно нуждались в чистке и заточке.

Я провёл пальцем по краю футляра.

Перед глазами на мгновение возникли палатки полевого госпиталя, пыльные дороги и лица людей, которым мне довелось оказывать помощь.

Затем я осторожно закрыл крышку.

— Надеюсь, вы мне больше не понадобится в подобных обстоятельствах, — пробормотал я.

Поставив футляр в шкаф, я продолжил распаковывать вещи.

К вечеру комната приобрела обжитой вид.

На столе лежали несколько книг.

В шкафу висела одежда.

Возле кровати стояли мои ботинки.

Впервые после возвращения в Англию у меня появилось ощущение, что я снова располагаю собственным домом.

Первые дни совместной жизни прошли удивительно спокойно.

Холмс оказался соседом гораздо более удобным, чем я ожидал.

Он бережно относился к общему пространству, хотя его

собственный письменный стол вскоре приобрёл вид рабочего места человека, занятого сразу множеством дел.

На нём появлялись бумаги, газетные вырезки, небольшие записные книжки и различные предметы, назначение которых оставалось для меня загадкой.

Однажды я заметил на столе увеличительное стекло, рядом с которым лежал кусочек тёмной ткани.

В другой раз увидел несколько небольших конвертов, аккуратно подписанных незнакомыми мне обозначениями.

Холмс не скрывал своих занятий, но и не стремился объяснять их без необходимости.

Я же считал невежливым задавать слишком много вопросов.

В конце концов, мы были всего лишь соседями по квартире.

Каждый из нас имел право на собственные интересы.

Тем не менее моё любопытство постепенно возрастало.

Особенно меня удивляло расписание Холмса.

Иногда он покидал дом рано утром и возвращался лишь поздним вечером.

В другие дни мог провести почти всё время в гостиной, читая или делая записи.

Бывало и так, что он несколько часов сидел неподвижно, погружённый в размышления.

В такие моменты его лицо становилось совершенно непроницаемым.

Я мог войти в комнату, налить себе чай, прочитать несколько страниц книги и снова выйти, не услышав от него ни единого слова.

Однако стоило мне обратиться к нему с вопросом, как он немедленно отвечал, словно прекрасно сознавал всё происходящее вокруг.

Однажды я решил проверить это обстоятельство.

Холмс сидел в кресле возле камина.

Глаза его были закрыты.

Я некоторое время наблюдал за ним, затем тихо спросил:

— Вы спите?

— Нет, доктор.

— Тогда о чём размышляете?

— О весьма неприятном человеке.

Я удивился.

— Вашем знакомом?

— К счастью, нет.

— Но вы его знаете?

Холмс открыл глаза.

— Достаточно, чтобы составить определённое мнение.

Я ожидал продолжения.

Однако он снова закрыл глаза.

Через несколько минут я оставил его в покое.

Особенное место в жизни моего соседа занимала скрипка. Впервые я услышал его игру вечером третьего дня после

переезда.

Я находился в своей комнате и читал, когда из гостиной донеслись негромкие звуки.

Сначала мне показалось, что кто-то настраивает инструмент.

Затем прозвучала короткая мелодия.

Она была удивительно печальной.

Я отложил книгу.

Музыка продолжалась.

В ней не было безупречной отточенности, какую можно услышать на концертах прославленных исполнителей, но чувствовалось нечто искреннее и необыкновенно выразительное.

Я вышел в гостиную.

Холмс стоял возле окна со скрипкой в руках.

Он не заметил моего появления.

Некоторое время я слушал молча.

Мелодия постепенно затихла.

Холмс опустил смычок.

— Надеюсь, я не помешал вам, доктор?

— Напротив. Вы прекрасно играете.

Он слегка улыбнулся.

— Благодарю. Хотя боюсь, что это не всегда так.

— Вы давно занимаетесь музыкой?

— Достаточно давно.

— Это ваше любимое произведение?

Холмс посмотрел на инструмент.

— Не совсем. Иногда мне проще выразить мысль звуками, чем словами.

Я удивился.

— Вы сочиняете музыку?

— Временами импровизирую.

Он положил скрипку в футляр.

— Музыка помогает мне сосредоточиться.

— Странно. Я всегда полагал, что для сосредоточения необходима тишина.

— Не всем.

Он произнёс это спокойно, без тени превосходства.

Я кивнул.

Действительно, мы были весьма разными людьми.

И всё же наши различия пока нисколько не мешали совместной жизни.

С течением времени я начал замечать ещё одну особенность Холмса.

Он обладал удивительной способностью наблюдать за людьми.

Причём делал это так естественно, что окружающие редко замечали его пристальное внимание.

Однажды утром мы завтракали в гостиной.

За окном шёл мелкий дождь.

Я просматривал газету, когда Холмс неожиданно произ-

нёс:

— Сегодня у нас будет посетитель.

Я поднял голову.

— Вы кого-то ожидаете?

— Возможно.

— Станный ответ.

Холмс улыбнулся.

— Взгляните в окно.

Я подошёл.

На противоположной стороне улицы стоял мужчина в тёмном пальто.

Он несколько раз посмотрел на наш дом, затем достал из кармана бумагу и сверился с написанным.

— Ну и что? — спросил я.

— Полагаю, он ищет определённый адрес.

— Это очевидно.

— Совершенно верно.

Холмс вернулся к завтраку.

Через несколько минут раздался звонок в дверь.

Миссис Хадсон поднялась к нам.

— Мистер Холмс, вас спрашивает какой-то джентльмен.

— Благодарю. Проводите его сюда.

Я удивлённо посмотрел на соседа.

— Вы его знаете?

— Пока нет.

— Тогда почему он пришёл именно к вам?

Холмс взял чашку.

— Скоро узнаем.

Вошедший оказался тем самым мужчиной, которого я видел из окна.

Он выглядел взволнованным.

Он несколько раз поправил перчатки, прежде чем заговорить.

— Мистер Шерлок Холмс?

— К вашим услугам.

— Мне рекомендовали обратиться к вам по одному весьма деликатному вопросу.

Холмс указал на кресло.

— Прошу садиться.

Посетитель бросил быстрый взгляд в мою сторону.

Я уже собирался подняться и выйти, но Холмс остановил меня.

— Доктор Ватсон — мой сосед. Однако, если вы предпочитаете говорить наедине...

Мужчина поспешно кивнул.

— Если возможно, сэр.

— Разумеется.

Я извинился и направился в свою комнату.

Но прежде чем закрыть дверь, успел заметить, как изменилось выражение лица Холмса.

Он больше не выглядел рассеянным.

Его взгляд стал сосредоточенным, а движения — быстры-

ми и точными.

Передо мной словно оказался совершенно другой человек.

В последующие дни подобные посещения повторялись.

К Холмсу приходили люди самого разного положения.

Однажды явился хорошо одетый господин с серебряной тростью.

В другой раз — пожилая женщина в скромном платье, которая долго теребила в руках платок.

Затем появился молодой человек, настолько встревоженный, что едва мог связно объяснить цель своего визита.

Иногда посетители задерживались всего на несколько минут.

Иногда беседы продолжались часами.

Я начал подозревать, что мой сосед занимается каким-то необычным делом.

Но каким именно?

Он не был врачом.

Не походил на адвоката.

Не занимался торговлей.

И, насколько я мог судить, не имел постоянной должности.

Тем не менее люди приходили к нему за помощью.

Причём некоторые выглядели весьма состоятельными, тогда как другие явно не могли позволить себе дорогостоящих

услуг.

Однажды вечером, когда Холмс отсутствовал, я не удержался и спросил миссис Хадсон:

— Скажите, вы давно знаете мистера Холмса?

Она поставила на стол чайник.

— Не так давно, доктор.

— Он всегда принимает столько посетителей?

— Полагаю, это связано с его занятиями.

— Вы знаете, чем он занимается?

Миссис Хадсон слегка смутилась.

— Боюсь, не вполне.

— Значит, я не единственный, кто находится в неведении.

Она улыбнулась.

— Мистер Холмс — очень порядочный молодой человек.

Хотя, должна признаться, иногда его привычки бывают довольно необычными.

— В этом я уже убедился.

— Но он всегда вежлив и исправно платит за комнаты.

Последнее обстоятельство, по-видимому, имело для хозяйки решающее значение.

Я поблагодарил её и больше не стал расспрашивать.

Несмотря на загадочность занятий Холмса, наши отношения постепенно становились дружескими.

Мы часто завтракали вместе.

Иногда обсуждали новости, опубликованные в газетах.

В некоторых областях Холмс обладал удивительно обширными знаниями.

Он мог подробно рассуждать о химических соединениях, особенностях различных сортов табака или истории отдельных преступлений.

Но стоило разговору перейти к другим предметам, как обнаруживались поразительные пробелы.

Однажды я упомянул известное литературное произведение.

Холмс признался, что никогда его не читал.

В другой раз он совершенно равнодушно отнёсся к обсуждению политического события, занимавшего тогда всю английскую прессу.

Я начал подозревать, что мой сосед сознательно ограничивает круг своих знаний.

Но подобная мысль казалась мне настолько странной, что я не решался высказать её вслух.

Ведь образование, как я всегда полагал, должно расширять человеческий кругозор.

Холмс же словно стремился наполнить свой ум лишь теми сведениями, которые считал полезными.

Остальные его совершенно не интересовали.

Это противоречило всему, чему меня учили.

И всё же нельзя было отрицать, что в избранных областях он обладал знаниями, далеко превосходившими обычный уровень.

Как-то вечером мы сидели возле камина.

За окном бушевал ветер.

Дождь барабанил по стёклам, а в каминной трубе время от времени раздавался протяжный гул.

Я читал медицинский журнал.

Холмс расположился в кресле напротив и просматривал какие-то бумаги.

Вдруг он отложил их и спросил:

— Скажите, доктор, вы довольны нашим соглашением?

Вопрос застал меня врасплох.

— Вполне. А вы?

— Более чем.

— Рад это слышать.

Холмс некоторое время смотрел на огонь.

— Признаться, я опасался, что мои привычки могут оказаться для вас слишком необычными.

Я улыбнулся.

— Пока вы не взорвали дом химическим опытом, причин для беспокойства нет.

Он рассмеялся.

— Постараюсь этого избежать.

— И всё же, Холмс...

Я замолчал.

— Да?

— Есть одна вещь, которая не даёт мне покоя с самого

нашего знакомства.

Он повернулся ко мне.

— Афганистан?

Я удивлённо поднял глаза.

— Именно.

На его лице появилась едва заметная улыбка.

— Вы всё ещё размышляете об этом?

— Разумеется. Вы сообщили мне факт из моей биографии, хотя прежде мы никогда не встречались.

— И это кажется вам необъяснимым?

— Пока да.

Холмс немного помолчал.

Затем взял со стола карандаш и задумчиво повертел его между пальцами.

— Скажите, доктор, — произнёс он наконец, — вы когда-нибудь задумывались о разнице между умением смотреть и умением наблюдать?

Я нахмурился.

— Не уверен, что понимаю вас.

— Большинство людей смотрит на окружающий мир, но замечает лишь малую часть того, что находится перед глазами.

— Полагаю, в этом есть доля истины.

— Гораздо большая, чем вы думаете.

Он положил карандаш.

— Иногда достаточно нескольких подмеченных деталей,

чтобы узнать о человеке больше, чем он сам намеревался рассказать.

Я внимательно посмотрел на него.

— Значит, вы утверждаете, что сделали вывод о моей службе на основании внешних признаков?

— Именно.

— Каких?

Холмс улыбнулся.

— Боюсь, если я сейчас всё объясню, вы сочтёте это совершенно очевидным.

— Тем более хотелось бы услышать.

— Тогда предлагаю отложить разговор до завтра.

Я вздохнул.

— Вы опять уклоняетесь от ответа.

— Нисколько. Просто завтра у нас будет больше времени.

Он поднялся и направился к книжному шкафу.

— Кстати, доктор, если вам интересно, я могу показать одну небольшую работу, которую недавно написал.

— О чём?

— О наблюдении и логическом рассуждении.

Я отложил журнал.

— Полагаю, она имеет отношение к нашему разговору?

— Самое непосредственное.

Холмс достал тонкую брошюру и положил её на стол передо мной.

— Прочтите на досуге.

Я взял её.

На обложке значилось название статьи об искусстве наблюдения.

— Вы её автор?

— Да.

— Тогда непременно ознакомлюсь.

— Буду признателен за ваше мнение.

Он произнёс это с неожиданной серьёзностью.

Я кивнул.

Холмс снова сел в кресло.

Некоторое время мы молчали.

Огонь потрескивал в камине.

Дождь продолжал стучать по окнам.

Я раскрыл брошюру и прочёл первые строки.

В ней говорилось, что внимательное наблюдение и верное рассуждение позволяют делать выводы, которые неподготовленному уму кажутся почти невероятными.

Я невольно вспомнил нашу первую встречу.

«Вы недавно вернулись из Афганистана».

Возможно, завтра я наконец узнаю, каким образом Холмс пришёл к этому заключению.

Я перевернул страницу.

И начал читать.

Глава 4. Искусство наблюдения

Утро началось с дождя. Тяжёлые облака нависли над крышами, и Бейкер-стрит, обычно оживлённая с рассвета, казалась непривычно унылой. Прохожие торопились по тротуарам, пряча лица под полями шляп.

Я проснулся позднее обычного: ночью вновь разболелось плечо, и лишь под утро мне удалось уснуть. Теперь я чувствовал себя разбитым.

В гостиной Холмс уже сидел за столом в домашнем халате. Перед ним стояла чашка кофе, рядом лежали газеты и исписанные листы. Он был так поглощён работой, что поначалу не заметил меня.

— Доброе утро, Холмс.

— Доброе утро, доктор.

Он поднял глаза.

— Плохо спали?

Я остановился возле стола.

— Почему вы так решили?

— Вы встали позднее обычного, двигаетесь несколько осторожнее и стараетесь не поднимать левую руку.

Я посмотрел на своё плечо.

— Оно действительно беспокоило меня ночью.

— Сырость?

— Вероятно.

Холмс кивнул, словно получил подтверждение своей догадки.

— Надеюсь, сегодня вы не собираетесь далеко выходить.

— Пока не решил.

— В таком случае составьте мне компанию за завтраком.

Я сел напротив. Миссис Хадсон принесла чай, яйца и тосты. Некоторое время мы ели молча: Холмс просматривал газету, изредка отмечая строки карандашом, а я наблюдал за ним.

За время нашего знакомства я заметил, что сосед читает газеты совсем не так, как другие: политические речи и светские новости оставляли его равнодушным, зато крохотная заметка внизу страницы могла надолго завладеть его вниманием.

Иногда он вырезал такую заметку, иногда записывал что-то в блокнот, а порой лишь улыбался и перелистывал страницу.

— Вы ищете что-то определённое? — спросил я.

— В некотором смысле.

— И что же?

— Необычное.

Я усмехнулся.

— В газетах необычного хватает.

— Напротив, доктор. Большинство событий чрезвычайно однообразны. Люди совершают одни и те же ошибки, руководствуются одними и теми же побуждениями и весьма ред-

ко проявляют подлинную изобретательность.

— Вы говорите о преступлениях?

Холмс поднял глаза.

— В том числе.

Он сложил газету.

— Кстати, вы прочли мою статью?

Я вспомнил о брошюре, которую он дал мне накануне.

— Да. Именно вчера вечером.

— И каково ваше мнение?

Я помедлил.

Мне не хотелось обижать человека, который, по-видимому, придавал своей работе большое значение.

Однако делать вид, будто статья произвела на меня исключительно благоприятное впечатление, я тоже не собирался.

— Если говорить откровенно, Холмс, некоторые ваши утверждения показались мне несколько преувеличенными.

Он оживился.

— Превосходно! Какие именно?

— Прежде всего мысль о том, что по незначительным внешним признакам можно с большой точностью восстановить обстоятельства жизни совершенно незнакомого человека.

— И что же вас смущает?

— Возможность ошибки.

Холмс откинулся на спинку стула.

— Продолжайте.

— Один и тот же признак может иметь множество объяснений. Например, грязь на ботинках говорит лишь о том, что человек побывал в грязном месте. Но разве по ней можно достоверно определить, где именно?

— Иногда можно.

— Но не всегда.

— Разумеется.

Я удивился.

— Тогда вы соглашаетесь со мной?

— Полностью. Ошибка начинается там, где человек принимает предположение за установленный факт.

Он взял со стола карандаш.

— Представьте, доктор, что перед вами лежит предмет, происхождение которого неизвестно. Вы замечаете одну особенность. Она допускает пять возможных объяснений. Затем обнаруживаете вторую, несовместимую с тремя из них. Третья особенность исключает ещё одно. Что остаётся?

— Последнее объяснение.

— Именно.

— Но лишь при условии, что вы действительно учли все возможности.

Холмс улыбнулся.

— Вы схватываете суть значительно быстрее, чем большинство людей, с которыми мне приходится беседовать.

Я покачал головой.

— И всё же мне кажется, что на практике подобные рас-

суждения гораздо сложнее, чем на бумаге.

— Несомненно. Именно поэтому наблюдение требует упражнений.

Он указал карандашом на окно.

— Вы ведь каждый день видите людей, проходящих по этой улице?

— Конечно.

— И многие ли из них сумели бы подробно описать хотя бы десятую часть увиденного?

— Полагаю, немногие.

— Вот в этом и заключается разница между взглядом и наблюдением.

* * *

Холмс поднялся и подошёл к окну.

Я последовал за ним.

На противоположной стороне улицы стоял мужчина в тёмном пальто.

Он держал под мышкой небольшой свёрток и, по-видимому, ожидал экипаж.

— Посмотрите на этого человека, — сказал Холмс.

Я внимательно пригляделся.

— Что именно я должен заметить?

— Всё, что сможете.

Я нахмурился.

Мужчина был среднего роста, довольно плотного телосложения. На нём находились тёмное пальто и котелок. Его бо-

тинки выглядели недавно начищенными.

— Обыкновенный джентльмен, — сказал я наконец.

— И больше ничего?

— Он, вероятно, куда-то спешит.

— Почему?

— Постоянно смотрит вдоль улицы.

Холмс одобрительно кивнул.

— Хорошо. Продолжайте.

Я снова посмотрел в окно.

— Свёрток под мышкой. Возможно, он собирается отправить его с посыльным.

— Возможно.

— И, кажется, он нервничает.

— Это уже интереснее.

Холмс некоторое время наблюдал за мужчиной.

Затем он произнёс:

— Видите ли, доктор, я не стал бы делать окончательных выводов только по этим признакам. Но уже сейчас можно составить несколько предположений и проверить их, если возникнет необходимость.

— Значит, вы не знаете, кто он?

— Разумеется, нет.

— Признаться, я ожидал, что вы сейчас назовёте его профессию, семейное положение и адрес.

Холмс рассмеялся.

— Вы приписываете мне способности ярмарочного фо-

кусника.

— После нашей первой встречи это не кажется таким уж невероятным.

Он повернулся ко мне.

— Ах да. Афганистан.

— Именно.

— Вы всё ещё хотите знать, как я пришёл к этому заключению?

— Очень хочу.

— Тогда, пожалуй, настало время удовлетворить ваше любопытство.

Мы вернулись к камину.

Холмс сел в кресло, вытянул ноги и некоторое время молча рассматривал меня.

Я почувствовал себя несколько неловко.

— Неужели вы собираетесь снова изучать мою внешность?

— Нет необходимости. Я сделал это при первой встрече.

— Тогда объясните.

Холмс сложил кончики пальцев.

— Когда Стэмфорд представил вас, я увидел человека с медицинскими привычками и военной выправкой. Вы были загорелы, однако кожа у запястий оставалась значительно светлее. Это указывало на долгое пребывание под жарким солнцем.

— Допустим.

— Далее. Вы выглядели болезненно истощённым. Было заметно, что левая рука причиняет вам неудобство.

Я невольно взглянул на плечо.

— Продолжайте.

— Всё это позволило предположить, что вы военный врач, недавно вернувшийся из жаркой страны после ранения или тяжёлой болезни.

— Но почему Афганистан?

— Потому что именно там в последнее время находились британские войска, участвовавшие в серьёзных боевых действиях. Я сопоставил вашу профессию, внешность, ранение и время возвращения.

Он развёл руками.

— Остальное было делом нескольких мгновений.

Я молчал.

Объяснение казалось одновременно удивительным и совершенно естественным.

Каждая из названных им деталей действительно была у меня перед глазами.

Но я никогда не подумал бы соединить их подобным образом.

— Значит, вы просто рассуждали? — спросил я.

— Именно.

— И всё это произошло за несколько секунд?

— Значительно быстрее, чем потребовалось для объяснения.

Я покачал головой.

— Должен признаться, Холмс, это поразительно.

— Ничуть. Вы ведь не удивляетесь, когда опытный врач распознаёт заболевание по нескольким характерным признакам?

— Нет, но...

— Принцип тот же. Разница лишь в предмете исследования.

Я задумался.

Действительно, в медицинской практике мне не раз приходилось делать выводы, которые человеку без специальной подготовки могли показаться почти чудесными.

Опытный врач замечает оттенок кожи, характер дыхания, движения рук и особенности речи.

Для постороннего всё это может остаться незаметным.

Но для специалиста отдельные признаки складываются в определённую картину.

— Теперь я начинаю понимать, — сказал я.

— Вот и прекрасно.

Холмс взял газету.

Я ожидал, что он продолжит объяснение, но мой сосед, по-видимому, счёл вопрос исчерпанным.

* * *

Некоторое время я сидел молча.

Затем я вновь взглянул на брошюру, лежавшую возле моего кресла.

— Холмс, — произнёс я, — если ваши методы действительно столь действенны, почему ими не пользуются повсеместно?

Он опустил газету.

— Потому что большинство людей не считает нужным развивать подобные способности.

— Но разве полиция не заинтересована в точных наблюдениях?

— Разумеется, заинтересована.

— Тогда почему...

— Позвольте задать вам вопрос, доктор. Считаете ли вы, что каждый человек, получивший медицинское образование, становится выдающимся врачом?

— Конечно нет.

— Почему?

— Потому что одного образования недостаточно. Необходимы опыт, внимательность, способность правильно оценивать симптомы...

Я замолчал.

Холмс улыбнулся.

— Вы сами ответили на свой вопрос.

— Понимаю.

— Впрочем, среди полицейских встречаются весьма способные люди. Некоторые обладают превосходной памятью, другие — настойчивостью, третьи умеют находить свидетелей там, где никто не рассчитывает их обнаружить.

— Но вы считаете, что им недостаёт умения рассуждать?

— Не всем. Однако слишком многие начинают с готовой версии и затем ищут факты, которые её подтверждают.

Он произнёс это без раздражения, словно говорил о хорошо знакомой ему слабости.

— А как поступаете вы? — спросил я.

— Стараюсь начинать с фактов.

— И никогда не ошибаетесь?

Холмс посмотрел на меня с явным удовольствием.

— Разумеется, ошибаюсь.

Ответ удивил меня.

— Не ожидал столь откровенного признания.

— Было бы глупо отрицать очевидное. Ошибка сама по себе не страшна. Опаснее нежелание её признать.

Он немного помолчал.

— Иногда самое трудное в расследовании — отказаться от объяснения, которое кажется особенно красивым.

Я запомнил эти слова.

Позднее мне не раз приходилось убеждаться в их справедливости.

* * *

— Кстати, Холмс, — сказал я, — вы несколько раз упоминали расследования. Но я до сих пор не знаю, чем именно вы занимаетесь.

Он поднял глаза.

— Разве я вам не говорил?

— Нет.

— Странно. Мне казалось, что этот вопрос уже обсуждался.

— Боюсь, вы ошибаетесь.

Холмс отложил газету.

— В таком случае пора исправить упущение.

Он устроился удобнее.

— Я занимаюсь расследованием преступлений.

Я удивился.

— Вы служите в полиции?

— Нет.

— Тогда вы частный сыщик?

Холмс слегка поморщился.

— Это определение не вполне точно.

— А какое же точнее?

— Я называю себя сыщиком-консультантом.

Я повторил незнакомое выражение.

— Сыщик-консультант?

— Именно.

— И что это означает?

— Когда полиция или частные лица сталкиваются с делом, которое не могут разрешить самостоятельно, они обращаются ко мне.

Я посмотрел на него с возрастающим интересом.

— Значит, ваши посетители...

— Большинство из них приходит именно по этой причи-

не.

Теперь многое стало понятным.

Хорошо одетые господа, взволнованные женщины, люди самого разного положения — все они обращались к Холмсу за помощью.

— И вы действительно раскрываете преступления? — спросил я.

— Иногда.

— А если расследование оказывается особенно сложным?

— Тогда оно становится особенно интересным.

Он произнёс это с такой искренностью, что я невольно улыбнулся.

— Должен признаться, Холмс, вы выбрали весьма необычную профессию.

— Возможно. Но она прекрасно соответствует моим склонностям.

— И вы работаете один?

— Обычно да. Хотя иногда сотрудничаю с представителями полиции.

— Например?

— С инспекторами Скотленд-Ярда. Некоторые из них обращаются ко мне за советом.

— И охотно принимают ваши рекомендации?

Холмс усмехнулся.

— Это зависит от обстоятельств.

— Полагаю, не все относятся к вам с одинаковым уваже-

нием.

— Взаимное уважение — вещь полезная, но не всегда обязательная для установления истины.

Я рассмеялся.

— Вы, должно быть, нажили себе немало недоброжелателей.

— Не больше, чем любой человек, который иногда оказывается прав.

* * *

Теперь я совершенно иначе взглянул на своего соседа.

Его интерес к химии, следам обуви, табачному пеплу и особенностям человеческой походки перестал казаться странным увлечением.

Всё это имело вполне определённую цель.

Холмс изучал мир так, как врач изучает человеческий организм.

Каждая мелочь могла оказаться симптомом.

Каждый предмет — свидетельством.

Каждое случайное движение — ключом к разгадке.

— Значит, — сказал я, — ваши исследования в лаборатории тоже связаны с расследованиями?

— Разумеется.

— И реакция для обнаружения крови?

— В первую очередь.

— Теперь понятно, почему вы так обрадовались её открытию.

Холмс кивнул.

— Надёжный способ обнаружить следы крови и отличить её от других веществ может оказаться решающим при расследовании.

— Выходит, ваша работа соединяет несколько наук.

— Именно. Химию, анатомию, наблюдение, логику. Иногда приходится обращаться к ботанике, геологии или даже истории.

— Но ведь невозможно знать всё.

— И не требуется.

Я вспомнил странные пробелы в его образовании.

— Значит, вы намеренно изучаете лишь то, что необходимо для вашей профессии?

— По большей части.

— Но почему?

Холмс задумался.

— Представьте, доктор, что человеческий ум — это небольшая комната.

Я улыбнулся.

— Продолжайте.

— В неё можно поместить ограниченное количество предметов. Разумный человек тщательно выбирает, что ему действительно понадобится. Неразумный заполняет пространство всем подряд, а затем с трудом находит необходимое.

— Вы хотите сказать, что знания могут мешать друг дру-

гу?

— Не совсем. Но бесполезные сведения способны отвлекать внимание от важных.

Я не был полностью согласен.

— Мне кажется, образование должно быть как можно более широким.

— Для человека, стремящегося к общему развитию, безусловно. Но моя работа требует прежде всего точности.

Он улыбнулся.

— Не беспокойтесь, доктор. Я не собираюсь запрещать вам читать литературу.

— Это обнадеживает.

Мы оба рассмеялись.

* * *

Разговор постепенно перешёл к другим темам.

Я расспрашивал Холмса о наиболее интересных случаях из его практики.

Он отвечал охотно, но избегал подробностей, которые могли бы раскрыть личности клиентов.

Некоторые истории казались почти невероятными.

В одном случае незначительная особенность почерка позволила установить происхождение письма.

В другом — следы на одежде помогли определить, где человек находился незадолго до исчезновения.

Вспомнил он и дело, в котором решающей оказалась привычка подозреваемого держать трость определённым обра-

ЗОМ.

Я слушал с возрастающим интересом.

Но чем больше он говорил, тем сильнее меня занимал вопрос, насколько точно он передаёт события.

Ведь необыкновенные выводы легко представить убедительными, когда ответ уже известен.

Совсем другое дело — сделать их заранее.

Я высказал эту мысль.

Холмс внимательно посмотрел на меня.

— Вы сомневаетесь?

— Не в вашей честности. Но мне хотелось бы увидеть ваш метод в действии.

— Превосходное желание.

Он улыбнулся.

— Возможно, такая возможность представится.

— Вы говорите так, словно ожидаете нового дела.

— Дела появляются постоянно. Вопрос лишь в том, заслуживают ли они внимания.

— Неужели вы отказываетесь от расследований?

— Иногда. Особенно если всё очевидно.

Я покачал головой.

— Вы весьма разборчивы.

— Я предпочитаю задачи, требующие размышления.

Он произнёс это совершенно серьёзно.

В ту минуту я впервые понял, что для Холмса расследование было не просто способом заработка.

Оно являлось необходимой частью его существования.

Без сложных задач его необыкновенный ум словно лишился привычной пищи.

* * *

Ближе к полудню дождь прекратился.

За окном посветлело, и на мокрой мостовой появились отражения облаков.

Холмс вновь занялся газетами.

Я взял книгу, но сосредоточиться на чтении не мог.

Разговор оставил слишком много впечатлений.

Мне хотелось увидеть, как Холмс работает над настоящим делом.

Не над химическим опытом и не над отвлечённым примером из статьи.

А над загадкой, от разгадки которой зависела бы судьба людей.

Я даже начал сожалеть, что до сих пор не попросил разрешения присутствовать при одном из его расследований.

Впрочем, подобная просьба могла показаться навязчивой.

Мы были знакомы совсем недавно.

И хотя отношения между нами становились всё более дружескими, я не хотел злоупотреблять доверием соседа.

В этот момент в дверь постучали.

— Войдите, — произнёс Холмс.

Появилась миссис Хадсон.

В руках она держала письмо.

— Мистер Холмс, это только что доставили для вас.

— Благодарю.

Холмс взял конверт.

Хозяйка вышла.

Я заметил, что письмо было написано на плотной бумаге.

Холмс быстро взглянул на адрес, затем вскрыл конверт.

Его глаза пробежали по нескольким строкам.

Внезапно он улыбнулся.

— Вот это уже любопытно.

Я поднял голову.

— Что-то интересное?

— Полагаю, да.

Он перечитал письмо.

Затем посмотрел на меня.

— Доктор, вы ведь говорили, что хотели бы увидеть мой метод в действии?

— Именно.

— Возможно, сегодня вам представится такая возможность.

Я отложил книгу.

— Что случилось?

Холмс протянул мне письмо.

— Прочтите.

Я взял лист.

Письмо было подписано инспектором Грегсоном из Скотленд-Ярда.

Он сообщал, что утром в пустующем доме на Брикстон-роуд обнаружено тело мужчины, личность которого пока не установлена.

Обстоятельства смерти представлялись весьма необычными.

На теле не нашли явных следов насилия, однако всё указывало на преступление.

Грегсон просил Холмса прибыть на место и высказать своё мнение.

Я медленно опустил письмо.

— Убийство?

— Весьма вероятно.

— И полиция не знает, что произошло?

— Судя по письму, пока нет.

Холмс поднялся.

Его прежняя рассеянность исчезла.

Он быстро подошёл к столу, убрал несколько бумаг и взял с полки небольшую записную книжку.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я.

— Для начала отправиться на Брикстон-роуд.

— Немедленно?

— Разумеется. Следы имеют неприятное свойство исчезать.

Он надел сюртук.

Затем остановился и посмотрел на меня.

— Доктор Ватсон, не желаете ли составить мне компа-

нию?

Я удивился.

— Вы действительно приглашаете меня?

— А почему бы и нет?

— Но я ничего не понимаю в расследовании преступлений.

— Зато вы врач. И, насколько я успел убедиться, человек наблюдательный.

— Боюсь, вы преувеличиваете мои способности.

— В таком случае у вас будет возможность их развить.

Я некоторое время колебался.

После пережитого в Афганистане мысль о новой встрече со смертью не вызывала особенного воодушевления.

Я слишком хорошо помнил запах крови, неподвижные лица и ту тяжёлую тишину, которая наступает возле человека, которому уже невозможно помочь.

Но одновременно во мне пробудилось сильное любопытство.

Передо мной открывалась возможность увидеть работу необыкновенного человека, чьи способности до сих пор оставались для меня загадкой.

Подобный случай мог больше не представиться.

— Хорошо, — сказал я наконец. — Я поеду с вами.

Холмс удовлетворённо кивнул.

— Превосходно.

Он взял шляпу.

— Тогда не будем терять времени.

* * *

Пока я надевал пальто, Холмс быстро проверил содержимое карманов.

В один он положил записную книжку.

В другой — небольшую лупу.

Затем взял перчатки.

Я наблюдал за его приготовлениями.

По уверенным движениям было видно, что Холмс проделывал это не впервые.

Он не выглядел взволнованным.

Напротив, казалось, что предстоящее расследование доставляет ему искреннее удовольствие.

— Холмс, — спросил я, — вы уже предполагаете, что произошло?

— Пока нет.

— Но ведь письмо содержит некоторые подробности.

— Слишком мало, чтобы делать выводы.

Он повернулся ко мне.

— Запомните, доктор: строить объяснение до знакомства с фактами — опасная привычка.

— Почему?

— Потому что человек незаметно для себя начинает подгонять наблюдения под собственную теорию.

Я кивнул.

Эта мысль напомнила мне наш утренний разговор.

— Значит, вы предпочитаете увидеть всё собственными глазами?

— Именно.

Холмс открыл дверь.

Мы спустились по лестнице.

Миссис Хадсон встретила нас в прихожей.

— Вы уходите, господа?

— Да, миссис Хадсон, — ответил Холмс. — Не знаю, когда вернёмся.

— Прикажете оставить для вас обед?

— Пока не стоит.

Она покачала головой.

— Вы опять забудете поесть, мистер Холмс.

Он улыбнулся.

— Постараюсь не допустить подобной трагедии.

Я невольно рассмеялся.

Мы вышли на улицу.

Воздух после дождя был прохладным и свежим.

Холмс поднял руку, подзывая свободный экипаж.

Через несколько мгновений возле нас остановилась двухколёсная пролётка.

Извозчик назвал цену.

Холмс коротко кивнул.

Мы заняли места.

— Брикстон-роуд, — распорядился он.

Лошадь тронулась.

Я устроился поудобнее, стараясь не задевать больное плечо.

Холмс сидел рядом, погружённый в размышления.

Некоторое время мы ехали молча.

Я смотрел на проплывающие мимо дома, лавки и перекрёстки.

Лондон казался таким же обыкновенным, как всегда: люди спешили по делам, торговцы открывали магазины, дети играли возле домов.

Никто из них, вероятно, не подозревал, что всего в нескольких милях отсюда произошло загадочное убийство.

Я повернулся к Холмсу.

— Скажите, вы часто сталкиваетесь с подобными делами?

— С убийствами?

— Да.

— Достаточно часто, чтобы знать: обстоятельства редко оказываются такими, какими кажутся на первый взгляд.

— И вы полагаете, что это дело будет необычным?

Холмс слегка улыбнулся.

— Очень на это надеюсь.

Я покачал головой.

— Странное пожелание.

— Возможно. Но обычные преступления редко требуют настоящего искусства наблюдения.

Я посмотрел на улицу. Впереди нас ждал пустующий дом, где лежало тело неизвестного мужчины. Полиция пока не

могла объяснить его смерть, а мой необычный сосед с нетерпением ожидал расследования.

Экипаж свернул на очередную улицу. Холмс выпрямился.
— Мы почти приехали, доктор.

Впереди показался участок за низкой оградой. Возле калитки стоял полицейский.

Холмс внимательно осмотрел дорогу.

Затем негромко произнёс:

— Любопытно.

— Что именно?

Он не ответил и наклонился вперёд, стараясь рассмотреть что-то на мокрой мостовой.

Экипаж остановился. Холмс вышел первым, я последовал за ним.

Лористонский сад.

Глава 5. Загадка Лористонского сада

Дом стоял немного в стороне от соседних зданий, словно его обитатели давно покинули это место и унесли с собой последние признаки жизни.

Серое утреннее небо нависало над Брикстон-роуд. Недавний дождь оставил на мостовой лужи, а в воздухе чувствовался запах сырой земли и угольного дыма. Мимо проезжали экипажи, прохожие торопились по своим делам, и лишь возле одного из домов царило непривычное оживление.

У калитки стоял полицейский.

Чуть поодаль остановились двое любопытных, пытавшихся заглянуть за ограду. Один из них что-то рассказывал другому, сопровождая слова энергичными движениями рук.

Я посмотрел на дом.

Двухэтажное кирпичное строение с тремя окнами на каждом этаже выглядело заброшенным. Стёкла потускнели, а за ними не виднелось ни движения, ни света. Перед зданием находился небольшой сад, отделённый от улицы невысокой оградой.

К дому вела узкая дорожка, по обе стороны которой дождь размягчил землю.

У калитки Холмс остановился. Вместо того чтобы войти,

он повернулся и медленно пошёл вдоль улицы.

— Холмс? — окликнул я.

— Одну минуту, доктор, — ответил он, не оборачиваясь.

Пройдя несколько шагов, Холмс остановился и внимательно осмотрел мостовую. Затем перевёл взгляд на ограду, соседние дома и колею, оставленную экипажами.

Мне показалось, что он ищет нечто определённое. Вскоре Холмс вернулся к калитке.

— Теперь можем войти.

— Вы заметили что-нибудь интересное?

— Несколько любопытных обстоятельств.

— Каких именно?

Холмс улыбнулся.

— Боюсь, пока рано о них говорить.

Я уже начинал привыкать к подобным ответам.

Полицейский у калитки узнал моего спутника и почти-точно отступил.

— Доброе утро, мистер Холмс.

— Доброе утро. Инспектор Грегсон внутри?

— Да, сэр. Вместе с инспектором Лестрейдом.

Холмс кивнул.

Мы вошли в сад.

Дорожка, ведущая к дому, была покрыта мелким гравием.

По обе стороны от неё земля раскисла. На её поверхности виднелись многочисленные следы обуви.

Холмс остановился.

Он медленно наклонился и стал рассматривать землю.

Я последовал его примеру.

Перед нами находилось множество отпечатков, наложившихся друг на друга.

Некоторые были глубокими, другие едва различимыми.

— Похоже, здесь побывало немало людей, — заметил я.

— К сожалению, слишком много.

В голосе Холмса впервые прозвучало раздражение.

— Следы уже затоптаны.

Он выпрямился и посмотрел в сторону дома.

— Полицейские, вероятно, уже не раз прошли здесь.

— Разве это так важно?

— Иногда один отпечаток способен рассказать больше, чем десяток свидетелей.

Я вспомнил наш утренний разговор.

— Значит, вы действительно изучаете следы обуви?

— Разумеется.

Холмс снова присел.

Он достал из кармана небольшую лупу и внимательно осмотрел участок земли возле края дорожки.

Затем измерил расстояние между двумя отпечатками.

Я наблюдал за ним с возрастающим интересом.

Несколько минут назад мне казалось, что мы стоим перед

обыкновенной грязной дорожкой.

Теперь же я начинал подозревать, что для Холмса она представляет собой страницу, исписанную непонятными мне знаками.

Наконец он поднялся.

— Пойдёмте.

Мы направились к дому.

У входа Холмс вновь задержался.

Он внимательно осмотрел дверной косяк, ступени и небольшую площадку перед дверью.

Затем, словно удовлетворившись увиденным, вошёл внутрь.

Нас встретил запах сырости и давно не проветриваемого помещения.

В узком коридоре царил полумрак.

Стены были покрыты выцветшими обоями, местами отставшими от штукатурки. Под ногами скрипели деревянные половицы.

Справа находилась дверь, ведущая в просторную комнату. Оттуда доносились голоса.

Холмс направился туда.

Я последовал за ним.

В комнате стояли двое мужчин.

Один был высоким, светловолосым, с открытым лицом и уверенными движениями.

Другой — невысоким, худощавым, с острыми чертами лица и внимательными тёмными глазами.

Высокий мужчина первым заметил нас.

— А, мистер Холмс! — воскликнул он. — Очень рад, что вы приехали.

Он подошёл и протянул руку.

— Инспектор Грегсон, — представился он и взглянул на меня.

— Доктор Джон Ватсон, — сказал Холмс. — Мой друг.

Слово «друг» прозвучало настолько естественно, что я невольно почувствовал удовольствие.

— Рад знакомству, доктор, — ответил Грегсон.

Невысокий мужчина приблизился.

— Лестрейд, — коротко представился он.

Я пожал ему руку.

В отличие от Грегсона, он не проявил особого интереса к моему присутствию.

Его взгляд почти сразу вернулся к Холмсу.

— Мы как раз обсуждали обстоятельства дела.

— И к каким выводам пришли? — спросил Холмс.

Грегсон развёл руками.

— Пока всё выглядит чрезвычайно странно.

— Тем интереснее.

Холмс произнёс это с лёгкой улыбкой.

Грегсон, по-видимому, не разделял его воодушевления.

— Боюсь, вам будет не до улыбок, когда вы увидите тело.

Холмс ничего не ответил.

Он лишь перевёл взгляд в глубину комнаты.

Я последовал его примеру.

И тогда впервые увидел мертвеца.

Тело лежало на полу, неподалёку от центра помещения.

Это был мужчина лет сорока или немного старше, крепкого телосложения, с широкими плечами и густыми тёмными волосами.

На нём находился добротный костюм, явно сшитый из дорогой ткани.

Его лицо было обращено вверх.

Глаза оставались открытыми.

Губы исказила гримаса, которую я ещё долго не мог забыть.

В нём смешались страх, боль и какое-то последнее отчаянное усилие.

Одна рука лежала вдоль тела.

Другая была слегка согнута.

Пальцы казались напряжёнными, словно в последние мгновения жизни человек пытался за что-то ухватиться.

Я остановился.

В памяти неожиданно возникли картины афганской войны.

Пыль.

Крики раненых.

Лица солдат, которым я уже ничем не мог помочь.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы овладеть собой.

Затем профессиональная привычка взяла верх.

Я приблизился к телу.

— Его уже осматривал врач? — спросил я.

— Да, — ответил Грегсон. — Но ничего определённого он сообщить не смог.

Я опустился на колено.

Кожа покойного приобрела характерную бледность.

Я внимательно осмотрел лицо, шею и открытые участки рук.

Затем осторожно проверил положение конечностей.

Тело уже начало коченеть.

Я не обнаружил явных следов насилия.

Ни колотой раны.

Ни следов удара.

Ни кровотечения, которое могло бы объяснить смерть.

— Странно, — пробормотал я.

— Вот именно, доктор, — сказал Грегсон. — В этом и заключается наша проблема.

Холмс стоял рядом, наблюдая за мной.

— Что скажете?

Я выпрямился.

— Без подробного исследования установить причину смерти невозможно. Однако я не вижу повреждений, кото-

рые могли бы её объяснить.

— Прекрасно.

Я удивлённо посмотрел на него.

— Что же здесь прекрасного?

— То, что мы не станем преждевременно принимать неверное объяснение.

Он опустился возле тела.

Теперь я получил возможность наблюдать за его работой.

Холмс действовал совсем не так, как врач при осмотре покойного.

Он не стремился сразу установить причину смерти.

Вместо этого начал внимательно изучать одежду покойного.

Осмотрел воротник.

Манжеты.

Ботинки.

Затем приблизил лицо к ткани пиджака и, как мне показалось, осторожно принюхался.

После этого исследовал руки.

Особенное внимание он уделил ногтям.

Я заметил, что он оценивает их длину и состояние.

Затем Холмс внимательно осмотрел подошвы ботинок.

— Любопытно, — произнёс он.

Грегсон нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Вы что-нибудь обнаружили?

— Пока лишь несколько деталей.

— Каких?

— Позвольте закончить осмотр.

Грегсон сдержанно кивнул.

Холмс продолжил работу.

Он достал из кармана рулетку и измерил расстояния между отдельными точками комнаты.

Затем внимательно изучил пол возле тела.

Я видел, как он несколько раз останавливался, словно обнаружив нечто важное.

Но никаких объяснений не последовало.

Наконец Холмс поднялся.

— Кто-нибудь перемещал тело?

— Нет, — ответил Грегсон. — Мы оставили его в том положении, в каком обнаружили.

— Хорошо.

— Хотя, разумеется, врач осматривал покойного.

— Это понятно.

Холмс оглядел комнату.

Помещение выглядело почти пустым.

У стены стоял небольшой камин.

Окна были закрыты.

На полу скопилась пыль.

Мебели практически не было.

Казалось, дом давно пустовал.

Холмс медленно обошёл комнату.

Временами он останавливался и внимательно рассматривал стены.

Я следовал за ним на некотором расстоянии.

— Здесь произошло что-то ужасное, — тихо сказал я.

Холмс посмотрел на меня.

— Несомненно.

— Но почему именно в этом доме?

— Вот один из вопросов, на которые нам предстоит ответить.

— Между прочим, — вмешался Грегсон, — мы уже установили личность покойного.

Холмс повернулся.

— Вот как?

— При нём обнаружены документы.

Инспектор достал записную книжку.

— Его зовут Енох Дж. Дреббер. Он прибыл из Кливленда, штат Огайо, Соединённые Штаты Америки.

Я удивился.

— Американец?

— Именно.

Грегсон продолжил:

— При нём находились деньги, часы, цепочка и несколько других ценных предметов.

— Значит, ограбление маловероятно, — заметил я.

— Совершенно верно, доктор, — ответил инспектор.

Холмс поднял голову.

— А что ещё вы обнаружили?

— Два письма, адресованных ему и человеку по фамилии Стэнджерсон.

— Стэнджерсон?

— Джозеф Стэнджерсон. По всей видимости, его спутник.

— Где он сейчас?

— Пока неизвестно.

Холмс задумался.

— Интересно.

Грегсон явно обрадовался возможности сообщить полезные сведения.

— Мы уже начали поиски. Кроме того, выяснилось, что оба американца остановились в Лондоне и собирались вскоре покинуть город.

— Каким образом?

— Судя по найденным документам, они намеревались отправиться в Ливерпуль.

Холмс кивнул.

— Хорошо. Продолжайте поиски Стэнджерсона.

— Разумеется.

Я заметил, что Лестрейд всё это время молчал.

Он стоял возле стены и внимательно рассматривал что-то на уровне своего плеча.

Вдруг инспектор произнёс:

— Грегсон, вы забыли упомянуть ещё об одном обстоятельстве.

— О каком?

Лестрейд указал на стену.

— Вот об этом.

Мы подошли ближе.

На выцветших обоях виднелась надпись.

Пять букв, выведенных неровными штрихами.

RACHE

Я остановился.

Буквы были написаны тёмно-красным веществом.

— Кровь? — спросил я.

— Именно, — ответил Лестрейд.

Он говорил с заметным удовлетворением.

— Мы обнаружили надпись при осмотре комнаты.

Холмс приблизился к стене.

Его лицо стало серьёзным.

Он внимательно изучил буквы.

Затем посмотрел на расположенный рядом участок стены и на пол.

— Кто её обнаружил?

— Я, — ответил Лестрейд.

— И что вы о ней думаете?

Инспектор выпрямился.

— Полагаю, убийца пытался написать женское имя.

— Женское имя?

— Рэйчел.

Я взглянул на надпись.

Действительно, надпись могла быть началом английского имени Rachel.

— Возможно, ему помешали закончить, — продолжал Лестрейд.

Грегсон нахмурился.

— Это лишь предположение.

— Но вполне разумное.

Холмс некоторое время молчал.

Затем на его губах появилась едва заметная улыбка.

— Весьма любопытная версия, Лестрейд.

Инспектор, кажется, принял эти слова за одобрение.

— Я уверен, что имя имеет значение.

— Несомненно, — ответил Холмс. — Хотя, возможно, не совсем то, которое вы предполагаете.

Лестрейд нахмурился.

— Что вы хотите сказать?

— Пока ничего определённого.

Холмс вновь повернулся к стене.

Он достал лупу и начал внимательно изучать поверхность обоев.

Затем осмотрел место под надписью.

Я заметил, что он рассматривает не только сами буквы, но и пространство вокруг них.

— Здесь кто-то стоял, — произнёс он наконец.

— Разумеется, — ответил Лестрейд. — Тот, кто написал слово.

Холмс ничего не сказал.

Но выражение его лица подсказало мне, что он заметил нечто ещё.

Пока инспекторы обсуждали надпись, Холмс продолжил осмотр.

Он приблизился к окну.

Затем вернулся к камину.

Некоторое время изучал пыль на полу.

Вдруг он остановился и наклонился.

— А это что?

Грегсон подошёл.

— Что вы нашли?

Холмс указал на небольшой предмет возле стены.

Я приблизился.

На полу лежало золотое кольцо.

Женское обручальное кольцо.

Оно было простым, без камней, но сделанным из добротного золота.

Холмс осторожно поднял его.

— Вы раньше его видели?

Грегсон покачал головой.

Лестрейд нахмурился.

— Должно быть, мы пропустили его.

Холмс положил кольцо на ладонь.

Несколько секунд он внимательно рассматривал находку.

Затем повернул её к свету.

— Любопытно.

Я наклонился ближе.

— Женское обручальное кольцо, — заметил я.

— Совершенно верно.

— Но как оно оказалось здесь?

— Вот это нам и предстоит выяснить.

Грегсон протянул руку.

— Позвольте взглянуть.

Холмс передал ему кольцо.

Инспектор внимательно осмотрел его.

— Возможно, оно принадлежало женщине, связанной с покойным.

— Возможно, — ответил Холмс.

— Тогда следует установить её личность.

— Безусловно.

Лестрейд вновь посмотрел на надпись.

— Рэйчел, — произнёс он. — Я же говорил!

Холмс не стал спорить.

Он лишь слегка улыбнулся.

Я заметил это выражение и подумал, что мой сосед уже сделал какой-то вывод.

Однако понять его я не мог.

После осмотра кольца Холмс вновь занялся комнатой.
Он несколько раз прошёл от двери к телу.

Затем вернулся к стене.

Внимательно посмотрел на окно.

Снова измерил расстояние между отдельными точками.

Я начал ощущать усталость.

Хотя с момента нашего прибытия прошло не так много времени, напряжение и гнетущая атмосфера пустого дома давали о себе знать.

Холмс, напротив, казался всё более оживлённым.

Его глаза блеснули.

Движения становились быстрыми и уверенными.

Он словно постепенно собирал невидимую картину произошедшего.

Наконец он остановился.

— Полагаю, теперь можно сделать некоторые выводы.

Грегсон немедленно повернулся.

— Какие именно?

Холмс посмотрел на него.

— Прежде всего этот человек умер не своей смертью.

— Это мы и сами предполагали.

— Убийца находился здесь вместе с ним.

Лестрейд скрестил руки.

— Откуда такая уверенность?

— Из следов.

— Каких следов?

Холмс указал на пол.

— Они сохранились, несмотря на то что многие уже за-
топтаны.

Грегсон нахмурился.

— И что же они показывают?

— В комнате находились по меньшей мере два человека.

— Это очевидно.

— Один из них — покойный.

— А другой?

Холмс улыбнулся.

— Именно его мы и ищем.

Лестрейд раздражённо выдохнул.

— Вы не можете сказать ничего более определённого?

— Могу.

Холмс сделал небольшую паузу.

— Убийца — мужчина высокого роста.

Я удивлённо посмотрел на него.

Грегсон тоже выглядел озадаченным.

— Высокого роста?

— Да.

— Но откуда вы это знаете?

— По длине шага и некоторым другим обстоятельствам.

Холмс повернулся к стене.

— Кроме того, у него были длинные ногти на одной из
рук.

Лестрейд нахмурился ещё сильнее.

— Вы шутите?

— Нисколько.

— И всё это вы установили, осматривая комнату?

— Именно.

Я вспомнил слова Холмса о наблюдении.

Но даже после утреннего объяснения мне было трудно поверить, что по нескольким следам можно так подробно описать неизвестного человека.

— А причина смерти? — спросил я.

Холмс посмотрел на тело.

— Полагаю, яд.

Я вздрогнул.

— Яд?

— Да.

— Но ведь мы не обнаружили никаких явных признаков отравления.

— Некоторые яды не оставляют очевидных следов.

— Это верно, — признал я. — Но без исследования...

— Разумеется. Для окончательного вывода потребуются дополнительные данные.

Грегсон внимательно посмотрел на Холмса.

— Значит, вы утверждаете, что неизвестный мужчина привёл Дреббера сюда и отравил его?

— Пока это наиболее вероятное объяснение.

— Но зачем?

Холмс пожал плечами.

— Мотив нам ещё неизвестен.

Лестрейд указал на надпись.

— Возможно, дело связано с женщиной.

Холмс не ответил.

Он лишь посмотрел на золотое кольцо, которое Грегсон всё ещё держал в руке.

Осмотр подходил к концу.

Грегсон распорядился отправить тело на вскрытие.

Полицейские вошли в комнату с носилками.

Я отошёл к окну.

Наблюдать за тем, как уносят мертвеца, мне не хотелось.

В Афганистане я видел слишком много подобных сцен.

Но даже отвернувшись, я слышал осторожные шаги, приглушённые команды и шорох ткани.

Через несколько минут тело вынесли.

Комната сразу показалась ещё более пустой.

На полу остался отпечаток тела в пыли.

Я смотрел на него и думал о том, что ещё вчера Енох Дреббер, вероятно, строил планы на будущее.

Возможно, собирался отправиться в Ливерпуль.

Возможно, писал письма знакомым.

Возможно, даже не подозревал, что его жизнь оборвётся в заброшенном доме на окраине Лондона.

Теперь же от него остались только документы, несколько личных вещей и тайна его смерти, которую пытались рас-

крыть незнакомые ему люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.